

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ИЗУЧЕНИИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ABOUT SOME TENDENCIES IN THE RESEARCH OF MAIKOP CULTURE

V. Fomenko

Annotation

The article deals with a number of actual problems of studying maikop culture (maikop–novosvobodnaya cultural–historical association – hereinafter referred to as MNA). The main generalizing publications devoted to the study of MNA are described. It is said about some reasons for the uneven and one–sided study of the monuments of maikop culture. It is being considered the dominance of archeology new–building`s and the so–called kurgan archeology on the study of maikop antiquities, as well as the search for the origins of this culture in the Middle East. The author comes to the conclusion that the named dominances (tendencies) negatively affect the results of ethnic attribution of monuments of maikop–novosvobodnaya type.

Keywords: North Caucasus; early bronze age; maikop archaeological culture; the maikop–novosvobodnaya association; northern periphery of MNA; a block of middle eastern and caucasian cultures; problems of interpretation; ethnic attribution.

Фоменко Владимир Александрович

С.н.с., к.и.н., доцент,

Институт гуманитарных исследований
Кабардино–Балкарского научного центра РАН,
г. Нальчик

Аннотация

В статье рассматривается ряд актуальных проблем изучения майкопской культуры (майкопско–новосвободненской культурно–исторической общности – далее МНО). Характеризуются основные обобщающие публикации, посвященные изучению МНО. Говорится о некоторых причинах неравномерности и в какой–то степени односторонности изученности памятников майкопской культуры. Рассматривается влияние новостроечной и т.н. курганной археологии на изучение майкопских древностей, а также поисков истоков данной культуры на ближнем Востоке. Автор приходит к выводу, что названные влияния (тенденции) негативно сказываются на результатах этнической атрибуции памятников майкопско–новосвободненского типа.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; ранний бронзовый век, майкопская археологическая культура; майкопско–новосвободненская общность; северная периферия МНО; блок ближневосточно–кавказских культур; проблемы интерпретации; этническая атрибуция.

Майкопская культура – археологическая культура эпохи ранней бронзы на юге Восточной Европы. Культура названа по имени наиболее богатого и яркого памятника – кургана [5, с. 2–11; 47, с. 44–48], раскопанного известным российским археологом Н.И. Веселовским [3, с. 49] в 1897 в Майкопе (ныне Республика Адыгея). Майкопская культура была выделена известным археологом–кавказоведом Е.И. Крупновым [30, с. 7–17] в 50–х гг. XX в. [24, с. 48–62].

Первоначально немногочисленные памятники майкопской (а по фактическому содержанию и домайкопской) культуры были обобщены уже после ухода из жизни Е.И. Крупнова, его учеником Р.М. Мунчаевым в докторской диссертации [31] и последовавшей за ней монографии [32].

По сути, работа Рауфа Магомедовича была первым и сугубо положительным итогом, суммирующим материалы и вводящим в широкий научный оборот ряд памятников (поселений и могильников) энеолита и ранней бронзы Северного Кавказа (хотя учитывались и древности эпохи неолита, а также закавказские памятники).

Весной 1991 года в Новороссийске прошло важное научное мероприятие, посвященное проблемам изучения майкопской культуры и получившее статус международного симпозиума [26]. Значение этой конференции, в которой приняли участие многие специалисты по майкопской проблематике из Москвы, Ленинграда, Северного Кавказа, Украины, Молдавии, США, сохраняется до сегодняшнего дня.

В конце XX ст. в академической серии "Археология России" был опубликован том "Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии", в котором Р.М. Мунчаевым был написан раздел о майкопской культуре [33, с. 158–225]. В целом, эта публикация подводила итоги изучения майкопских древностей на протяжении советского периода.

Большое значение в современном изучении энеолита и раннебронзового века Северного Кавказа имеют исследования С.Н. Кореневского. Сергей Николаевич обобщил все доступные материалы майкопско–новосвободненских древностей в начале в диссертации [10], защищенной в 2001 г., а затем опубликовал на эту же тему монографию [11]. Анализ материала бытовых и погреб-

бальных памятников майкопской культуры позволил С.Н. Кореневскому предложить собственную схему ее культурно-территориального деления и развития. Были выделены галюгаевско-серегинские древности, псекупский, долинский, новосвободненский варианты [11, с. 49–63].

В наши дни традиционно изучение майкопско-новосвободненских древностей продолжается по нескольким направлениям, находящим отражение в публикациях. Исследователи вводят в научный оборот новые материалы раскопок поселений [9; 52, с. 422–436] и могильников [43, с. 99–101; 22, с. 123–155; 6, с. 177–195; 7, с. 83–116; 70, с. 481–485]. Изучаются майкопская керамика и гончарное производство [53, с. 125–128; 50, с. 29–31; 14, с. 199–226], изделия из металла [13; 71, с. 389–410; 56, с. 135–154; 55, с. 211–223], вопросы абсолютной и относительной хронологии [23, 109–127; 57, с. 107–112], особенности экономики, материальной и духовной культуры [54, с. 29–45; 16; 18, с. 65–80; 19, с. 193–198]. Современные исследователи заняты в основном вещеведческими аспектами археологического изучения майкопской культуры.

Среди недавних работ, носящих обобщающий характер, можно отметить статьи С.Н. Кореневского [20, с. 71–122; 21, с. 52–54; 15, с. 1–26], В.А. Трифонова [62, с. 276–284], разделы каталога выставки "Бронзовый век. Европа без границ", подготовленные Ю.Ю. Пиотровским [49, с. 308–338; 48, с. 338–340] и Н.И. Шишлиной [68, с. 130–132].

О некоторых причинах неравномерности и односторонности изученности памятников

В послевоенные годы в Советском Союзе заметно увеличилось количество землеройной техники. Соответственно стали расти т.н. зоны активной хозяйственной деятельности. В южных равнинных регионах интенсифицировались мелиоративные работы. Эти изменения привели к тому, что к 70–м гг. XX в. новостроечные (хозрасчетные) полевые работы стали значительным источником поступления денежных средств для научно-исследовательских и других организаций, которые могли проводить археологические раскопки [8, с. 254–255]. В свою очередь возможность для археологов зарабатывать небольшие средства и некоторые другие факторы привели к росту т.н. курганной археологии, т.е. доля курганных могильников в общем числе раскапываемых в то время памятников особенно на юге европейской части страны сильно выросла. В 70–80-е гг. рост курганной археологии был в общем положительной тенденцией, заметно оживившей региональную археологическую науку. Например, на новостройках Кабардино-Балкарии в эти годы были открыты уникальные курганы с майкопско-новосвободненскими погребениями. Уже к началу 90-х гг.

количество, исследованных и хотя бы частично введенных в научный оборот, курганных погребений, в т.ч. и майкопских, на юге России многократно выросло. Кроме того развитие курганной археологии привело к возможности более точного датирования небогатых, маловыразительных и безынвентарных погребений. Так уже в 70–х гг. В.А. Сафроновым была разработана хронология памятников бронзового века Северного Кавказа [58, с. 23–199] в основном по данным курганной стратиграфии. Позже он и Н.А. Николаева работали над проблемами хронологии и происхождения майкопской культуры [60, с. 63–104; 45, с. 9–28; 46, с. 28–62].

Стремительное развитие курганной археологии в течение двух-трех десятилетий создало явный перекоп в изученности древностей Северного Кавказа, в т.ч. и майкопской культуры. Количество археологических объектов, исследованных на равнинах выросло намного больше, чем раскопанных в предгорных, лесных и горных местностях. Соответственно майкопская культура еще в 50-е гг. локализованная в предгорьях, к началу 90-х гг. обогатилась т.н. северной (приазовской и кумо-маньчской) периферией [42, с. 12–15; 17, с. 136–140]. В наши дни памятники с майкопской керамикой выявлены на большей части степного юга Восточной Европы (Северное Причерноморье, Предкавказье, Волго-Донские степи).

Кроме того на характер (направленность) интерпретации памятников майкопской культуры повлияло изменение доступности для российских исследователей ближневосточных и западноевропейских материалов. В перестроечные и особенно постперестроечные годы у отечественных археологов в т.ч. и кавказоведов увеличилась возможность доступа к зарубежным библиотекам и музейным коллекциям. Правда, еще в начале 80-х гг. В.А. Сафронов связал "появление комплекса Большого Майкопского кургана на Северном Кавказе ... с миграцией с территории междуречья Хабур и Балиха (Телль Хуэйра в Северной Месопотамии) западно-семитского (арамейского) населения" [60, с. 63–104; 44, с. 46]. Через 20 лет была опубликована монография того же автора по важнейшим проблемам хронологии истории Ближнего Востока [59], в частности Израилья догосударственного периода, разработанным на основе [44, с. 54–55] только что упомянутой статьи 1982 г. "Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам".

Ближневосточные аналогии майкопским древностям отечественные исследователи стали искать особенно интенсивно в перестроечный и постперестроечный периоды. Эта тенденция очень распространена и в наши дни среди российских [1, с. 3–17; 34, с. 8–9; 35, с. 37–46; 36, с. 316–334] и зарубежных [2, с. 18–22; 37, с. 123–

127] археологов. Одним из результатов этого явления можно считать, то, что майкопская культура перестала рассматриваться как только северокавказское явление, а воспринимается уже как дальняя периферия ближне-восточных культур.

Так В.А. Трифонов считает, что майкопская культура, вероятно, является частью ("эпизодом развития") "грандиозной истории расцвета и заката мощной традиции, возникшей на окраинах первых древневосточных цивилизаций" [62, с. 281]. Он отмечает, что открытие новых памятников на просторах от Северного Кавказа до Месопотамии позволяет думать об отсутствии у майкопской культуры "прародины в традиционном смысле этого понятия", поскольку сама культура является органичной частью крупной культурной провинции. В начале эпохи бронзы (IV тыс. до н.э.) майкопская культура являлась крайней северной областью блока культур (культурной провинции), включавшего также лейлатепинскую культуру Азербайджана, культурно близкие и синхронные памятники в Грузии, на востоке Анатолии, в Азербайджане и Северо-Западном Иране. Виктор Анатольевич предполагает, что в этой провинции под влиянием различных природных и социальных факторов свободно распространялись культурные стандарты (достижения) из цивилизаций Двуречья. Кроме того, майкопская культура была посредником в передаче степному восточноевропейскому населению ближневосточных технологий (обработка металлов, производство колесных повозок и тканей) [62, с. 276, 281].

По данным Н.И. Шишлиной ремесленники майкопской культуры обладали высоким уровнем гончарного, металлургического, ювелирного производства, ткали льняное полотно высокого качества. Носители майкопской культуры "развивали многоотраслевое комплексное хозяйство, включавшее и организацию длительных походов за сырьем и изделиями, и пастушескую деятельность". Археологические находки позволяют предполагать, что древние майкопцы осуществляли сложные обменные операции и получали импортные изделия и материалы из далеких стран: камень лазурит из Ирана или Забайкалья, шерстяные и хлопковые окрашенные ткани из Леванта, минеральный краситель – монтроидит с территории современного Туркменистана) [68, с. 130–132], а также явно не местного производства золотые и серебряные украшения. Экономическое устройство древнемайкопского общества и его в основном скотоводческая направленность привели продвижению части носителей майкопской культуры далеко на север, в степные долины Подонья и Прикаспия, расположенные "в 600–700 км от основного ареала культуры". Выход майкопцев в степь (в Приманычье – В.Ф.) был сезонным (от поздней весны до начала осени) и вероятно связан с развитием овцеводства [68, с. 130–132].

В настоящее время известно множество, в основном подкурганых, погребений, а также более десяти исследованных поселений майкопской культуры. Памятники этой скотоводческой и раннеземледельческой археологической культуры в основном сосредоточены в Предкавказье в несколько сужающейся к востоку полосе от Таманского полуострова [49, с. 308] на западе до прикаспийского Дагестана [25, с. 13–38] на востоке, от начала горных местностей на юге до Нижнего Подонья и озера Маныч [48, с. 338] на севере. Известны археологические памятники с характерной майкопской керамикой в Северном Причерноморье [41, с. 127–137; 40, с. 19–21; 62, с. 276–284], и в Калмыцких степях [67, с. 164–173] до Волгоградской области [27]. Поставлены вопросы о наличии близких к майкопско-новосвободненским памятников в Абхазии [4, с. 10–12], Азербайджане [2, с. 18–22] и Северо-Западном Иране [63, с. 244–264].

Таким образом, к настоящему времени ареал майкопской культуры и связанных с ней памятников (по керамике, металлическим предметам, устройству погребальных сооружений и др.) сильно расширился. Возникла проблема связи майкопских древностей только с северокавказским регионом, с историей местного автохтонного населения.

К сожалению, указанные выше тенденции в целом не воспринимаются как негативные и потому либо не подвергаются критическому анализу, либо преодолеваются с трудом. Так по поводу разрастания территории МНО С.Н. Корневский пишет, что классические памятники майкопской культуры – т.н. большие майкопские курганы расположены только в Предкавказье [20, с. 108. Рис. 1]. В периферийных районах такие памятники не обнаружены, выявлены археологические объекты смешанного культурного облика.

Кроме новых территорий майкопская культура в последние годы дополняется и новыми типами погребальных сооружений. Так по данным С.Н. Корневского племена майкопско-новосвободненской общности (МНО) IV тыс. до н.э. восприняли от населения понто-предкавказского региона эпохи энеолита V тыс. до н.э. традицию погребения в катакомбах или подбоях. Это заимствование проявляется в основном на территории кумо-маньчской периферии МНО [12, с. 105–119].

К сожалению, две охарактеризованные в настоящей статье негативные тенденции в изучении МНО сочетаются с другими объективными и субъективными факторами искажающими и делающими неполными наши представления о майкопско-новосвободненских древностях. Так Е.Н. Черных отмечает невыразительность (а объективно говоря, слабую изученность майкопских поселений [66, с. 205]. Неопределенными выглядят связи майкопской

культуры с предшествующей энеолитической культурой Закубанья и Центрального Предкавказья [39, с. 5–22; 38, с. 76–96; 61, с. 190–194; 29; 65, с. 33–44]. Не ясны причины исчезновения майкопско–новосвободненских древностей, несмотря на отдельные высказанные предположения [11, с. 98–99; 69, с. 39–41]. Пока не находят убедительных объяснений выраженные отличия культуры новосвободненской группы памятников [51; 64, с. 19–37] от других вариантов МНО. Неокончательно установленным является хронологическое соотношение памятников майкопской и дольменной культур [28, с. 202–213].

Таким образом, относительно удачное и неспешное выделение (в отличие от некоторых других культур Северного Кавказа), а также постепенное изучение майкопской археологической культуры, позволили к началу 90-х гг. XX в. накопить и научно осмыслить довольно значительный археологический материал, который был в общих чертах суммирован на симпозиуме "Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Евро-

пы" [26]. В современный период (90-е и т.н. нулевые годы) некоторые негативные тенденции и перекосы в изучении майкопских памятников, начавшиеся еще в 60–80-е годы, усилились (расцвет хоздоговорной и т.н. курганной археологии, чрезмерное увлечение ранее малодоступными ближневосточными материалами эпохи энеолита и ранней бронзы, а также рост разобщенности отечественного археологического сообщества и т.д.). Это привело к появлению множества публикаций, мнений, концепций и отсутствию, после издания в 2004 году монографии С.Н. Корневского, максимально объемлющих материал, обобщающих исследований. Кроме того, в наши дни благодаря значительному разрастанию к северу и к югу ареала майкопской культуры, майкопско–новосвободненские древности перестают быть сугубо северокавказским явлением, а рассматриваются специалистами как удаленная часть блока ближневосточно–кавказских или европейских культур. Это по моему мнению дезориентирует исследователей и не способствует установлению истины в вопросе этнической принадлежности носителей майкопской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амиров Ш.Н. Месопотамско–кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2014. Вып. 233. С. 3–17.
2. Ахундов Т.И. Майкопская культура к югу от Большого Кавказского хребта // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Владикавказ: Северо–Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2008. С. 18–22.
3. Белова Н.А. Н.И. Веселовский – видный деятель российской гуманитарной науки // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (Археологические изыскания. Вып. 46). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1997. С. 49.
4. Бжания В.В. Памятники майкопской культуры в горах Абхазии // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975. С. 10–12.
5. Веселовский Н.И. Майкопский курган // Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. С. 2–11.
6. Гей А.Н. Погребальные памятники майкопской культуры в Нижнем Прикубанье // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 177–195.
7. Канторович А.Р., Маслов В.Е. Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станции Марьинской // Материалы по изучению историко–культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь: ГУП "Наследие", 2009. Вып. IX. С. 83–116.
8. Кияшко А.В. Археология: наука, образ жизни, способ заработка или что–то еще? // X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов "Проблемы археологии Восточной Европы". Ростов–на–Дону, 2015. С. 254–255.
9. Корневский С.Н. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1995. 188 с.
10. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско–новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии и символики погребальной практики // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. М.: Институт археологии РАН, 2001. 46 с.
11. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско–новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.
12. Корневский С.Н. Древнейшие катакомбы и символика орудий ударного действия у племен начала медно–бронзового века Понто–Предкавказских степей // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2016. Вып. 245. С. 105–119.
13. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья (типология. историко–культурный аспект). М.: Таус, 2011. 335 с.
14. Корневский С.Н. К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско–новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе // Культурные взаимодействия. динамика и смыслы. Кишинев, 2016. С. 199–226.
15. Корневский С.Н. Проблемные ситуации "пост–убейдского периода" в Предкавказье (4500–3500 лет до н. э.) // Stratum plus. 2016. №2. С. 1–26.
16. Корневский С.Н. Рождение кургана. М.: ТАУС, 2011. 256 с.
17. Корневский С.Н. Северная, кумо–маньчская периферия майкопско–новосвободненской общности // IV Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 136–140.
18. Корневский С.Н. Символика погребального набора Майкопского кургана и культ Инанны–Иштар // Российская археология. М., 2012. № 4. С. 65–80.

19. Корневский С.Н. "Символы жилищ" майкопско–новосвободненской общности и вопрос об особенностях их форм // VI Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 193–198.
20. Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ТАУС, 2008. С. 71–122.
21. Корневский С.Н. Этапы, варианты и многокомпонентность майкопско–новосвободненской общности на современном этапе изучения // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. Алексеевские чтения. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 52–54.
22. Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хашироков А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудухурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: Наука, 2008. С. 123–155.
23. Корневский С.Н., Резепкин А.Д. Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, философии, культуры. Вып. XXII. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 109–127.
24. Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М.: Академия наук СССР, 1957. 176 с.
25. Магомедов Р.Г. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо–Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1991. С. 13–38.
26. Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум (Новороссийск, 18–24 марта 1991 г.). Тезисы докладов. Л., 1991. 74 с.
27. Мамонтов В.И., Скворцов Н.Б. Памятники майкопской культуры в Волгоградской области // Грани познания. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2011, март. № 1(11) // <http://grani.vspu.ru/files/publics/1301313116.pdf>
28. Мелешко Б.В. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2010. Вып. 224. С. 202–213.
29. Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Спб.: Государственный Эрмитаж, 2009. 250 с.
30. Мунчаев Р.М. Е.И. Крупнов – выдающийся российский кавказовед // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы конференции. Магас–Кисловодск, 2014. С. 7–17.
31. Мунчаев Р.М. Кавказ в эпоху неолита и ранней бронзы (IV–III тыс. до н.э.) // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. Тбилиси: Тбилисский университет, 1971 // <http://saunje.ge/index.php?id=1795&lang=ru>.
32. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. 416 с.
33. Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1994. С. 158–225.
34. Мунчаев Р.М. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2007. С. 8–9.
35. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Еще раз о месопотамско–кавказских связях в IV–III тыс. до н.э. // Российская археология. М., 2012. № 4. С. 37–46.
36. Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г. Восточный Кавказ и проблема кавказско–месопотамских связей в IV–III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2010. С. 316–334.
37. Мусеибли Н. Ближневосточно–кавказские связи в IV тыс. до н.э. в контексте лейлатепинской и майкопской культур // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком. Спб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2015. С. 123–127.
38. Нехаев А.А. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992. №1. С. 76–96.
39. Нехаев А.А. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1990. С. 5–22.
40. Нечитайло А.Л. Динамика исторических связей населения степной Украины и Северного Кавказа (эпоха неолита–бронзы) // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. М.: Институт археологии РАН, 1994. 42 с.
41. Нечитайло А.Л. О сосудах майкопского типа в степной Украине // Советская археология. М., 1984. № 4. С. 127–137.
42. Нечитайло А.Л. Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 12–15.
43. Нечитайло А.Л., Фоменко В.А. Курган из группы "Гранит" на окраине Иноземцево // XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Ессентуки: Ессентукский краеведческий музей, 2002. С. 99–101.
44. Николаева Н.А. Аннотация к списку работ В.А. Сафронова // Индоевропейская история в свете новых исследований. М.: Московский государственный областной университет. 2010. С. 34–55.
45. Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо–Осетинский государственный университет, 1982. С. 9–28.
46. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо–Осетинский государственный университет, 1982. С. 28–62.
47. Отчёт Н.И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 г. // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (Археологические изыскания. Вып. 46). СПб., 1997. С. 44–48.
48. Пиотровский Ю.Ю. Кумо–маньчская периферия майкопской культуры // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тыс. до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 338–340.
49. Пиотровский Ю.Ю. Майкопская культура // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тыс. до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 308–338.
50. Поплевко Г.Н. Технология изготовления майкопской керамики // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 29–31.
51. Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор–История, 2011. (Труды Института истории материальной культуры., Т. XXXVII). 344 с.

52. Резепкин А.Д. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель. СПб.: СПГУ, 2004. С. 422–436.
53. Резепкин А.Д. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 125–128.
54. Ростунов В.Л. К вопросу о приемах сооружения и семантике "больших майкопских курганов" Центрального Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2004. Вып. 4. С. 29–45.
55. Рындина Н.В., Равич И.Г. Новые данные о технологии производства бронзовых мотыг майкопской культуры Северного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2015. Вып. 239. С. 211–223.
56. Рындина Н.В., Равич И.Г. Общее и особенное в технологии металлопроизводства майкопских племен Северного Кавказа // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. М.: Институт археологии РАН, 2014. С. 135–154.
57. Рысин М.Б. Проблемы хронологии и периодизации майкопских памятников Северного Кавказа // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 107–112.
58. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М.: Знание, 1974. Вып. VII. С. 23–199.
59. Сафронов В.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М.: Русская панорама, 2003. 424 с.
60. Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет, 1982. С. 63–104.
61. Трифонов В.А. Дарквети–мешоковская культура // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар; Анапа. 2001. С. 190–194.
62. Трифонов В.А. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2014. Т. 16. №3. С. 276–284.
63. Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого. СПб., 2000. С. 244–264.
64. Трифонов В.А., Шишлина Н.И. Дольмены у станицы Царской, раскопанные Н.И. Веселовским в 1898 году: архивные материалы // Труды Государственного исторического музея. М.: ГИМ, 2014. Вып. 201. С. 19–37.
65. Черленок Е.А. Археология Кавказа (мезолит, неолит, энеолит): учебно-методическое пособие. СПб., 2013. 54 с.
66. Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
67. Шишлина Н.И. Майкопские погребения Южных Ергеней // Нижневолжский археологический сборник. Волгоград, 2002. Вып. 5. С. 164–173.
68. Шишлина Н.И. Майкопский феномен (3600–3000 гг. до н.э.) // Бронзовый век. Европа без границ. IV–I тыс. до н. э.: каталог выставки. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 130–132.
69. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.) // Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. М.: МГУ, 2008. 49 с.
70. Эрлих В.Р., Ковалев Д.С., Маслов В.Е. Погребения эпохи бронзы курганного могильника "Синюха" в Адыгее // Шестая международная археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 481–485.
71. Hansen S. Gold and silver in the Maikop Culture // Metalle der Macht – Fruhes Gold und Silber. Mitteldeutscher Archaologentag (Oktober 2013 in Halle (Saale)). Tagungen des Landesmuseums fur Vorgeschichte Halle, 2014. Band 11(II). S. 389–410.

© В.А. Фоменко, (fva2005@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Образовательный центр
"Языки и культуры
мира"
Открыт набор на
языковые курсы
www.wlc.vspu.ru

РЕКЛАМА